

З пам'яті літ

Цього року виповнилося 110 літ від дня народження Євгена Прохоровича Кирилюка (1902 – 1989) – відомого українського літературознавця, члена-кореспондента Академії наук Української РСР (з 1957 р.), лауреата Ленінської премії (1964), Державної премії України ім. Т. Г. Шевченка (1980), заслуженого діяча науки України (з 1972 р.). Євген Прохорович – автор праць з історії української літератури, шевченкознавства, франкознавства, славістики, зв'язків української літератури з іншими слов'янськими. У 1946 – 1984 рр. – завідувач відділу шевченкознавства Інституту літератури ім. Т. Г. Шевченка АН України. Багатий архів ученого нещодавно впорядковано й передано до Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського. Завдяки наполегливості й допитливості вченого сьогодні можемо відновити цікаві епізоди українського культурного життя кінця XIX – початку XX ст., розповідь про які пропонуємо увазі читачів.

Зінаїда Кирилюк

УДК 821.161.2-94

ЕПІЗОД З ІСТОРІЇ УКРАЇНСЬКОЇ КУЛЬТУРИ У СПОГАДАХ ЛІТЕРАТУРОЗНАВЦЯ Й ФОЛЬКЛОРИСТА В. ДАНИЛОВА (ЛИСТ ДО Є. КИРИЛЮКА)

Уперше публікуються спогади російського філолога В. Данилова про відомих діячів української культури – Б. Грінченка, І. Нечуя-Левицького, О. Левицького та про панахиду за Т. Шевченком у Ніжині 1899 р.

Ключові слова: українська мова, український фольклор, журнал "Киевская старина", ушанування пам'яті Т. Шевченка.

Zynayida Kyryliuk. An episode from Ukrainian cultural history in the recollections of V. Danylov, a literary scholar and a student of folklore (A letter to Ye. Kyryliuk)

For the first time, this paper makes public the recollections of a Russian philology scholar V. Danylov concerning some well-known figures of Ukrainian culture (B. Hrinchenko, I. Nechuy-Levytsky, O. Levytsky) and describing the memorial service for Taras Shevchenko which took place in Nizhyn in 1899.

Key words: Ukrainian language, Ukrainian folklore, Kiyevskaya Starina journal, commemoration of Taras Shevchenko.

Визначальним у формуванні творчих інтересів випускника Ніжинського історико-філологічного інституту 1905 р. Володимира Валеріановича Данилова була його зацікавленість проблемами фольклору, етнографії, російської та української літератур. Наукові пріоритети майбутнього вченого почали формуватись у Ніжинський період і поглиблювались упродовж усього життя. У 1948 – 1956 рр. він був науковим працівником Архіву Пушкінського дому АН СРСР у Ленінграді. Йому належать численні розвідки про Гоголя, Пушкіна, Достоевського, Ломоносова, Салтикова-Щедріна, Шевченка, Максимовича, Метлинського й багатьох інших російських й українських письменників. Він першим вивчав діяльність Ореста Сомова – випускника Харківського університету, який у студентські роки збирав

український фольклор, пізніше широко використовував його в російській літературі. У Петербурзький період письменник співпрацював із Пушкіним і Дельвігом, відіграв певну роль у розвитку російської літератури й журналістики – брав участь у виданні альманахів “Полярная звезда”, “Северные цветы”, разом із Пушкіним видавав “Литературную газету”.

У молоді роки, перебуваючи в Україні, Володимир Валеріанович спілкувався з багатьма українськими письменниками, фольклористами, журналістами. Сподіваючись, що розповідь про зустрічі й бесіди з видатними діячами української культури – учасниками і свідками минулих подій сприятиме патріотичному вихованню нового покоління, Євген Прохорович Кириллюк звернувся до колеги з проханням поділитися своїми спогадами.

Уперше український учений торкнувся цього питання в листі від 17 серпня 1961 р. Згадуючи час, коли “принято было ругать почти всех, писавших о Шевченко”, він із вірою й надією зазначає: “К счастью, это время прошло или, по крайней мере, проходит, и мы теперь значительно больше и чаще вспоминаем добрым словом, кто в своё время, когда это было не “модно”, писал о Шевченко и других писателях. Тем более мы ценим внимание к нашему поэту со стороны других народов, в частности русского народа”^{*}.

Через кілька днів у листі від 30 серпня 1961 р. Євген Прохорович звертається до Данилова з пропозицією написати спогади, висловлюючи водночас сумніви щодо можливості їх публікації: “Очень хорошо было бы Вам написать воспоминания о Нечуе-Левицком, Гринченко, Ор. Левицком и др. Боюсь, что наш журнал “Радянське літературознавство”, где я состою членом редколлегии, не напечатает их. Их мог бы приобрести наш рукописный отдел, где я состою членом экспертно-оценочной комиссии, но тоже гарантии дать не могу, после смерти А. И. Белецкого. А может быть, все-таки напишете?”^{**}.

Нотатка Євгена Прохоровича на першій сторінці листа Данилова свідчить, що 9 грудня 1961 р. він одержав бажаний текст. У ньому автор розповідає про спілкування з Б. Грінченком, про зустрічі й листування з І. Нечуем-Левицьким, про обговорення з ним питань розвитку мови. У своєму листі він наводить епізоди з історії видання “Киевской старины”, згадуючи коло українських діячів культури – В. Науменка, О. Левицького та інших літераторів, що брали участь у його створенні. Значну увагу автор листа приділив відомим йому фактам, пов’язаним із труднощами, на котрі наражалися шанувальники Шевченка в минулі роки, і тому, як вони намагалися їх подолати.

Того ж дня Євген Прохорович писав Данилову: “Сегодня я получил Ваши воспоминания специально для меня, и я считаю своим долгом ответить. У Вас прекрасная память и всё очень живо изображено. Большое, большое спасибо! Я, конечно, эту ценную вещь со временем передам в отдел рукописей нашего института”. Завершуючи лист, він дякує “за подвиг, за внимание к украинской культуре, к её деятелям!”^{***}.

Дорогой Евгений Прохорович!¹

В письме от 30 августа 1961 г. Вы писали мне: “Очень хорошо было бы вам написать воспоминания о Нечуе-Левицком, Гринченко, Оресте Левицком и др. Боюсь, что журнал “Радянське літературознавство” не напечатает их. А, может быть, все-таки напишете?”

* Центральный державный архив-музей литературы и искусства. – Фонд 134, опис 1, справа 71. – Лист 17.08.1961 р.

** Там само. – Лист 30.08.1961 р.

*** Там само. – Лист 9.12.1961 р.

Что до печатания, то, перейдя восьмидесятилетнюю границу жизни, я считаю, что выступать в печати и с публичными докладами уже не следует.

31 мая текущего года я сделал последний доклад в Отделе древнерусской литературы Института русской литературы Академии Наук СССР на тему: “Уже пустыни силу прикрыла”. Комментарий к “Слову о полку Игореве”, вернувшись этим по кругу своей научной жизни к ее началу, так как в 1900 г. я начал научные штудии в Историко-филологическом Институте князя Безбородка сочинением по заданию проф. М. Н. Сперанского² на тему: “Народно-поэтические элементы в “Слове о полку Игореве” и отражение их в сказаниях о Задонском бое”.

Когда после названного выше доклада председательствовавший член-корреспондент Академии Д. С. Лихачев высказал доброжелательное мнение, что я еще не раз выступлю, на это я ответил словами из думы о смерти Богдана Хмельницкого: “Я стар, болю, бути гетьманом більш не здолюю”. “Правда, – прибавил я, – в жизни никогда, ни в каком смысле не бывал гетьманом, а всегда был лейстровым козаком, но и последним я бути не здолюю”.

Чувствую я себя очень плохо и постоянно вспоминаю стих А. В. Кольцова: “Сила молодая с телом разлучилась”. А так как человеческий организм это – машина, где все части находятся во взаимодействии, и порча одной из частей не может не оказывать влияние на другие, то при общей слабости организма не может быть силы также в мыслительном аппарате.

Кроме того, оглядывая пройденный литературный путь, вижу, что не написал ничего, заслуживающего внимания, хотя писал в расцвете своих физических и умственных сил. Что же теперь, “сядя на санях”, как говорил о себе Владимир Мономах, т. е. стоя одною ногою в гробу, мог я написать полезного, интересного и значительного?

Воспоминания мои о названных выше писателях совсем незначительны. В этом отношении я напоминаю одного петербуржца, о котором не то читал, не то слышал, что он интриговал знакомых воспоминаниями о Достоевском, и все просили рассказать их. Но господин этот только обещал, что когда-нибудь расскажет. Он, действительно, встречался с Достоевским. Шел раз по Невскому, глядит – у витрины часового магазина стоит Достоевский и рассматривает часы. Господин тоже остановился, но рассматривал не содержание витрины, а Достоевского. Последний заметил, отвернулся с недовольным видом и пошел. Вот и все воспоминания, которыми господин интриговал общество.

Я нахожусь почти что в таком же положении. Но раз вы предлагаете мне писать, делаю это в порядке дружеской беседы.

Вы знаете, что я по происхождению не украинец. До 14 лет я жил в Смоленске и его уездных городах. По переезде в Нежин в 1895 г. украинская стихия мало-помалу захватила меня и брата Петра, который впоследствии печатал рассказы на украинском языке под псевдонимом Петро Перекидько. Ко времени окончания гимназии мы жили украинскими литературными интересами, и Кулиш, Драгоманов, Грушевский, Франко крепко сидели в наших умственных представлениях. Шевченко был нам давно гораздо ближе Пушкина, отрицательное отношение к которому внушал нам Д. И. Писарев.

Не буду дальше останавливаться на характеристике своих умственных интересов в юные годы, тем более, что я писал о них в воспоминаниях о члене УАН В. В. Резниченко, в очерке “Как я стал фольклористом”, имеющихся в архиве Института фольклора и искусствоведения УАН³, а также в воспоминаниях о Нежинской гимназии конца XIX столетия, находящихся в архиве музея Нежинского педагогического института им. Н. В. Гоголя.

Когда летом 1904 г. вышел из печати мой сборник “Песни села Андреевки” Нежинского уезда, я обратился в магазин украинской книги в Киеве, на

Безаковской улице, которым заведовал Степаненко, с просьбой взять для распространения несколько экземпляров. Степаненко посоветовал пойти к Б. Д. Гринченко и поднести ему сборник. Дал адрес. Кажется, это была улица Гоголя. Я отправился. Дама, открывшая дверь, сказала, что Бориса Дмитриевича нет дома, но будет часа через полтора-два. Напротив квартиры или близко от нее был бульварчик с тощими деревьями. Я стал ждать, когда пройдет назначенное время, и я увижу писателя, фольклориста и поэта. Его стихотворение “До праці!” воспринималось нами как революционно-демократический гимн:

Праця єдина з недолі нас вирве:
Нумо до праці, брати!
Годі лякатись! За діло святее
Сміло ми будемо йти!

Праця єдина нам шлях уторує,
Довгий той шлях і важкий,
Що аж до щастя і долі прямує:
Нумо до праці мерщій!

Мы читали в этом стихотворении не только те слова, которые оно содержало, но и то, что оставалось в нем между строк. И я сейчас увижу автора этих вдохновенных стихов!

Когда часы отсчитали два часа, я снова звонил в квартиру Гринченко. Отворила та же дама и опять сообщила неутешительную весть, что Бориса Дмитриевича нет дома. Но, видя молодого человека в студенческой форме, спросила, по какому я делу. Я объяснил, что хочу преподнести Борису Дмитриевичу сборник записанных мною украинских песен. Книга была в руках, и это было настолько веско, что дама – это была жена Гринченко, писавшая под псевдонимом Загирня, – пригласила войти и ввела в комнату из передней, бывшую кабинетом писателя. Это была небольшая комната. На столе стояли карточные ящики с карточками слов, так как тогда Гринченко работал над украинским словарем.

Тут я просидел недолго, как пришел сам хозяин. Он не сразу вошел в кабинет, а прошел в другую комнату. Из его разговора с женою, доносившегося до меня, я узнал, что Гринченко ходил осматривать сдающиеся квартиры, называл адреса, говорил об их достоинствах и недостатках.

Когда я поднес ему сборник, Гринченко стал листать его и спросил: “Алгебра есть в вашем сборнике?” Я не понял. Он объяснил, что называет алгеброй метод опубликования вариантов песен, введенный Рудченком в сборнике чумацких песен⁴. Этот метод я также использовал в своем сборнике.

Гринченко выразил большое удовлетворение, что Нежинский Историко-филологический Институт обратился к изучению Украины, и рассказал о том, как Институт пригласил его, когда он был секретарем Черниговского Губернского Земства, содействовать собиранию археологических и этнографических материалов для XII-го Археологического Всероссийского съезда в Харькове. “Присылает мне, – рассказывал Гринченко, – профессор Добиаш издания Института. Смотрю – ничего нет местного. Люди живут и работают на Украине, а их книги наполнены материалами в роде экскурсов в область частички *αv*. Тут я рассердился и написал Добиашу откровенно всё, что думал об их работе...”

Об этом письме Гринченко говорил мне потом проф. М. Н. Сперанский, мой главный учитель. Он полностью согласился с Гринченко, даже сказал, что Институт вообразил себя какою-то *Academie des sciences* (Академією наук (фр.)). – *Ред.*) и совершенно упустил местные научные интересы.

Рассказывал Гринченко о том, как он печатал украинские фольклорные материалы в “Земском сборнике” Черниговского Губернского Земства.

Как редактор этого издания, он сначала “попробовал” поместить в нем “Этнографические материалы, собранные в Черниговской и соседних с ней губерниях”. Когда ни председатель Губернского Земства, ни губернатор не возразили против этого, Гринченко стал всё шире пользоваться “Земским сборником” для публикации украинского фольклора. Наконец, председатель губернской земской управы сказал ему: “Вы заполняете “Земский сборник” песнями и сказками, как-будто земство только этим занимается”.

Когда украинская громада, группировавшаяся вокруг журнала “Киевская старина”, пригласила Гринченко в Киев для составления словаря украинского языка на премию Н. И. Костомарова, печатание материалов по украинскому фольклору в “Земском сборнике” естественно прекратилось.

Вторично я встретился с Гринченко, когда был учителем в Екатеринославе, на другой его квартире, по[-]видимому, довольно обширной, потому что он принял меня в просторной комнате, где можно было устраивать танцевальные вечера. Я поднес ему несколько оттисков своих статей. Гринченко просил надписать их, так как без дарственных надписей он может сам купить их. Встреча была короткая, Гринченко собирался в дорогу, в Галичину, т. е. по тогдашнему времени, за границу.

Больше я с ним не виделся, хотя целое лето 1907 г. прожил в Киеве и знал, что Гринченко живет в городе. Только Д. И. Дорошенко⁵ рассказал мне, что Гринченко, просматривая при нем сборник “Пошана”, изданный в честь проф. Н. Ф. Сумцова, когда открыл мою статью, начинающуюся его именем “Б. Д. Гринченко...”, выразил нескрываемое удовольствие. А через три года мне привелось поместить его некролог в “Русском филологическом вестнике”. Я послал оттиск вдове Бориса Дмитриевича. Она ответила мне письмом, в котором указала, что среди фольклорных работ ее мужа мною пропущена книга “Из уст народа”, и прислала ее мне. Умерла Гринченко-Загирня в Киеве в 1928 г.

Вероятно, я – “последний из могикан”, сотрудников “Киевской старины”, в котором впервые появилось мое имя в 1904 г. под заметкою о западно-украинском похоронном причитании на латинском языке из поэмы “Roxolania” польско-латинского поэта XVI столетия Себастиана Кленовича-Asegnus’a. Редактором “Киевской старины” был преподаватель русского языка и литературы в гимназии и кадетском корпусе Владимир Павлович Науменко⁶, сыгравший очень большую роль в содержании моей литературной работы. Он был убит 19 июня 1919 года.

Когда в 1907 г. “Киевская старина”, название которой считалось несоответствующим ни времени, ни содержанию журнала, превратилась в “Україну”, просуществовавшую только один год, я решил написать статью по истории “Киевской старины” и попросил Науменко сообщить мне материалы по этому вопросу, а также рассказать, что он знает сам и помнит.

Науменко пообещал и назначил для воспоминаний день и час; но очень советовал обратиться к Оресту Ивановичу Левицкому⁷, который был свидетелем основания журнала и его сотрудником с первого номера. Разговор происходил в последние дни страстной недели. Я заметил, что, может быть, неудобно идти в предпраздничные дни, когда хозяйки так суетятся. Науменко успокоил, что у Ореста Ивановича есть отдельная комната, и я никого не беспокою.

Левицкий жил за рынком, недалеко от Троицкой площади, на горке, в деревянном доме. Кабинет его был небольшой, меньше, чем у Гринченко. Один из героев Достоевского говорит, что в тесной квартире даже думать тесно. Но это очень субъективное восприятие окружающего. Обширные palazzo, наоборот, могут рассеивать внимание и не давать возможности сосредоточиваться.

Не помню, был ли Орест Иванович предупрежден [о] моем приходе. Я застал его дома, и он очень дружелюбно принял меня. Сразу же стал сообщать факты, относящиеся ко времени основания журнала. Я записывал за ним. Часа два длились воспоминания. По окончании беседы я стал просить извинения, что так много отнял у него времени. Но Левицкий сказал, что рад тому, что ему пришлось пережить снова события молодости, и даже поблагодарил за это.

Орест Иванович был сотрудником “Киевской старины” от первого до последнего номера. В первом номере журнала 1882 г. вторая статья от начала “Южнорусские архиереи в XVI – XVII в.” и в последнем номере 1906 г. вторая статья от конца “Новый храм в старом украинском стиле” принадлежат О. И. Левицкому.

Стати упомяну, что последняя статья, которую оканчивается всё издание “Киевской старины”, статья, самое название которой звучит как погребальный звон: “Символика птиц и растений в украинских похоронных причитаниях” – принадлежит мне, и мое имя и фамилия – последние слова текста журнала. По этому поводу Науменко пошутил: “Вы, так сказать, припечатали издание”.

Судя по литературным работам О. И. Левицкого, я предполагал, что он преподаватель истории, но О. И. сказал мне: “По научным симпатиям я – историк, по профессии – словесник”. О нём, как о преподавателе, сохранил светлые воспоминания Вс. Чаговец в воспоминаниях “З темряви минулого” (“За сто літ”, кн. 6, 1930), где посвященная Левицкому глава называется “Учитель и друг”.

Из личных рассказов-воспоминаний по истории издания “Киевской старины” О. И. Левицкого и В. П. Науменко составила моя статья в “Историческом вестнике”, которой редактор С. Н. Шубинский дал название “Литературные поминки”.

Как-то летом 1907 года, когда я жил с семьей в Киеве, мы сговорились с Д. И. Дорошенко навестить Ивана Семеновича Нечуй-Левицкого, жившего тогда на Пушкинской улице, во дворе, в отдельном домике.

Без предупреждения мы пошли к нему. Подойдя к двери квартиры, услышали звуки рояля. Иван Семенович играл “на самоті”. “Постойм, – сказал я Д. И. Дорошенко, – не будем прерывать его настроения. Может быть, он что-нибудь вспоминает в эти минуты”. Но вот музыка замолкла, и мы позвонили. Отворил сам Иван Семенович.

Нечуй-Левицкий был худенький старичок, невысокого роста, на вид простоватый, без того интеллигентского джентельментства, какое было в фигуре и манерах Гринченко и Науменко, и даже без выражения внешней любезности.

На рояле и на одном из столов запомнились мне разных цветов папки приветственных адресов с надписями, тиснутыми золотом. Домик, в котором жил Иван Семенович, был старинным, провинциального типа, с низкими потолками, не киевского масштаба.

Разговор как-то сразу перешел на словарную тематику. Ивана Семеновича тогда занимали вопросы, какие слова и обороты принадлежат украинскому языку, какие – нет. Помню, что он называл слово “груба”, отопительная печь, указывая, что некоторые отрицают народность этого слова, и доказывал примерами своего словарного опыта, что в народе это слово в постоянном распространении.

Так как Иван Семенович был преподавателем русского языка в Кишиневской гимназии, я попытался перевести разговор на вопросы преподавания, но он отмахнулся от этого, сказавши, что и раньше учили так же, как теперь, и сослался при этом на Трегубова⁸, бывшего одно время, когда Науменко был привлечен к ответственности, официальным редактором “Киевской старины”.

Одну интересную вещь рассказал Иван Семенович. Еще за три-четыре дня до убийства Александра II, которое произошло 1-го марта 1881 г., кишиневские евреи шопотом (так у рукопису. – *Ред.*), по секрету, передавали, что царь убит, но об этом боятся объявить.

Знакомство с Иваном Семеновичем имело продолжение в моей переписке с ним из Одессы. Я обработал по-украински народную лужицкую легенду и послал ему для литературной правки. Он это сделал. Об этом через Д. И. Дорошенко узнал молодой священник-украинец, которого я не знал и фамилии которого не помню. Он пришел ко мне со своею молодою матушкою, сослался на Дорошенко и сказал, что собирается издавать украинские книжки для народа. Поэтому просил дать ему мой рассказ, на языке которого лежит авторитет И. С. Нечуя-Левицкого. Я отдал рассказ в рукописи, с поправками Ивана Семеновича, и больше не видал ни священника, ни своей рукописи.

У меня было пять-шесть писем ко мне Ивана Семеновича, но они были отобраны в 1921 г. чекистами во время обыска, в Пришвине.

Вот и все мои воспоминания о перечисленных Вами лицах. Они были бы богаче фактами и наблюдениями, если бы написаны были, скажем, в 1912–13 гг. Но теперь мои воспоминания уместны только в дружеском письме. Однако круг украинских деятелей, с которыми я был знаком, не ограничивается ими. О Владимире Васильевиче Резниченко⁹, имевшем сильное влияние на мое развитие и первым вынесшем мое имя в печать, а также о Д. И. Яворницком я писал отдельно; эти воспоминания должны быть в архиве Института искусствоведения, фольклора и этнографии УАН¹⁰.

Когда я учился в Нежинской гимназии и когда формировалось юное мирозозерцание, на него влияли не писатели и ученые украинцы, а люди обывательского покроя, не оставившие следа в литературе, которые, вероятно, не попадут ни в чьи мемуары. Я вспоминаю о них попутно, как об участниках панихиды по Шевченко в 1899 году в Нежине.

Рассказом об этой панихиде, с которою связаны многочисленные личные воспоминания, я закончу беседу с Вами.

В те времена панихиды по Шевченко были иногда единственно возможною формою чествования памяти поэта, но и то не всегда. В. В. Резниченко еще в 1897 г. рассказывал подробное повествование, как студенты Харьковского университета, где он учился, решили устроить панихиду по Шевченко. Нашли священника, согласившегося отслужить ее. Но затем, может быть, из опасения прослыть украинофилом, а то по внушительному совету своего или общего начальства он решил уклониться и скрылся. Студенты, собравшиеся на панихиду у какой-то церкви, нашли ее запертою, пустились разыскивать и ловить священника, сбжавшего от панихиды по Шевченко, и к этому сводились все воспоминания Резниченко о ней.

В 1899 г. я был учеником VII класса Нежинской гимназии и участником кружков самообразования, как тогда назывались политические кружки, куда входили студенты Историко-филологического Института князя Безбородко, гимназисты и гимназистки. В недрах кружков и зародилась мысль отметить годовщину смерти Шевченко. Привлекли к этому страхового агента уездного земства Якова Александровича Гужовского, пользовавшегося большим уважением среди местного населения и широко в уезде. Тогда это был человек средних лет, живой, общительный, прогрессивных взглядов, но осторожный. По своим обязанностям он разъезжал по уезду, посещал школы и приобрел популярность среди школьников чтением басен Леонида Глібова (так у рукопису. – *Ред.*). В 1906 г. Гужовский был избран членом I-ой Государственной Думы. В 1928 г. я посетил его в Чернигове, куда он переселился. Несмотря на тридцатилетний срок, как мы не встречались, он узнал меня, вспомнил мою фамилию. Был так же бодр и с удовольствием вспоминал далекое прошедшее.

Гужовский организовал панихиду в окраинной Авдеевской церкви.

В полдень 26 февраля 1899 г. в Нежине была теплая, солнечная погода. На улицах уже не было снега. На Авдеевке, на скамеечках, у калиток, или, как они назывались в Нежине, у форток, грелись на солнце мешане. Хотя участники

панихиды шли не гурьбою, а по два-три человека, на некотором расстоянии, но обыватели заметили движение. “Куди це вони йдуть?” – “Мабудь (так у рукопису. – *Ред.*), на весілля.” – “Яке там весілля! Тепер великий піст”. Такие реплики слышались во время нашего шествия в церковь.

Кроме Гужовского, участниками панихиды были следующие лица:

Не учащий был Илья Тимофеевич Гладкий, служивший в акцизной канцелярии. Это был человек лет 40-а, небольшого роста, холостяк, учившийся в Черниговской духовной семинарии и исключенный из нее. Дома он неустанно читал. И в его комнате стояли два-три простых товарных ящика, битком набитых книгами. Голос его был хриплый, резкий; манера говорить какая-то презрительная, и говорил он на том смешанном украинско-русском жаргоне, какой широко был распространен в полуинтеллигентных кругах на Украине. После революции, как сообщил мне Гужовский, Гладкий перешел на село и стал деятелем волостного комитета. В украинском отношении он настроен был крайне националистически.

Студент Историко-филологического Института Александр Федорович Музыченко¹¹, пользовавшийся большим авторитетом среди некоторой части учащейся нежинской молодежи. Он не был настроен ни революционно, ни националистически, но как-то умел влиять на молодежь, которая его слушала. Вспоминается такая сценка. Музыченко стоит с двумя-тремя гимназистами посередине Гоголевской улицы, вечером, и что-то проповедует. По панели проходит его товарищ-однокурсник Николай Севастьянович Державин¹². – “Александр Федорович, – говорит громко Державин, – перенеси свою аудиторию хотя на троттуар (так у рукопису. – *Ред.*), не стой среди улицы!” Оба смеются, и Музыченко переходит на троттуар.

Различна была судьба этих двух когда-то товарищей и друзей. Н. С. Державин – впоследствии академик, член Академии Наук СССР и Болгарской Академии Наук, оказавший большое влияние на развитие славяноведения в Советское время. А. Ф. Музыченко – впоследствии профессор педагогики в Киеве, но пришедший к могиле не под звуки победного марша. В Киеве были известны его любовные похождения среди учениц, и в одной газете появился фельетон по этому поводу с ироническим названием: “Музыченко (так у рукопису. – *Ред.*) виховує”. Зашла даже речь о предании его суду. В это время он подарил мне составленную им украинскую азбуку с такою надписью, отражающую наши отношения и его нравственное состояние: “Владимиру Валериановичу в знак преклонновозрастных воспоминаний о горячих притяжениях и отталкиваниях юных лет, о весеннем бегстве с лекций и уроков к пастушкам на заре нашей жизни и в знак горестного недоумения пред концов (так у рукопису. – *Ред.*) своей жизни. 19.IV.35.” Во всем этом “горестном” была виною его жена Евгения Юрьевна, погубившая и мужа, и сыновей.

Михаил Михайлович Панибратцев, из вологодских духовных семинаристов. Как и все семинаристы, не пошедшие по священству, был атеист и революционер. Хотя в Институте шел по историческому отделению, почему-то, будучи учителем, написал и издал начальную грамматику русского языка, о которой знаю по критическому разбору в “Журнале Министерства народного просвещения”. Жизненная карьера Панибратцева, игравшего в нежинских кружках роль Рудина, была не широка: он был учителем средней школы в местечке Мрине Нежинского уезда.

Вячеслав Митрофанович Лащенко, человек эмоционального темперамента, страстно преданный украинской идее, но не имевший ни определенной политической программы, ни серьезного взгляда на жизнь; производивший впоследствии впечатление какого-то духовного празднования. Поссорившись с проф. М. Н. Сперанским, перешел из Нежинского Института в Варшавский университет, по окончании которого был учителем гимназии в Кавказском, Киевском и Одесском округах. По сообщению А. Ф. Музыченки, после занятия Бессарабии советскими войсками эмигрировал, как крайний украинский

националист, в Румынию. Однако стихи составлял на русском языке; из них мне запомнился, благодаря своему варварскому ударению, один стих: “Я жить хочу! Зачем отчаиваться!”

Александр Африканович Красин, из пензенских гимназистов, обычный либеральный студент, был потом преподавателем в Киеве.

Ученики VIII-го класса: Михаил Ткаченко и Петр Каневец¹³. О последнем есть некролог в “Украине” 20-х годов как о переводчике на украинский язык “Коммунистического манифеста”. Оба обладали завидными способностями и оба учились хорошо. Каневец был настроен резко-революционно, презирал и высмеивал все, что не отвечало его настроенности.

Ученики VII-го класса: Леонид Львович Исаев, впоследствии присяжный поверенный в Москве, мой гимназический приятель, и мы с братом Петром, своею революционностью обративший на себя внимание гимназического начальства, о чем я рассказываю в гимназических воспоминаниях.

Были еще две-три гимназистки, из которых одна Юлия Федорцова, или по-украински Уля, стала потом моею женой.

Впрочем, может быть, я что-нибудь забыл.

Престарелый священник искренне и задушевно молил да простятся рабу божию Тарасию “всякая прегрешения вольная же и невольная”, пономарь выводил зауспокойным голосом: “Господи помилуй!” – но из собравшихся, поскольку все они были тем, что французы называют *l’homme de libre pensée* (вильнодумец. – *Ред.*), никто ни разу не перекрестился.

Это заметил пономарь, стоявший к присутствующим вполоборота, о чем, очевидно, доложил священнику.

После панихиды не полагается выносить на престольный крест для целования – это делается после молебна. Но священник, узнав от пономаря, что присутствовавшие не крестились, решил заставить их сделать это. Он вышел из алтаря и сказал: “Я думаю, что здесь все православные, и никто не откажется приложиться ко кресту Господню”.

Это заставило всех подойти ко кресту, а подойдя, перекреститься.

Когда вышли из церкви, Гужовский пригласил всех к себе вечером “на вареники”.

Но у меня с этою панихидою соединялась романтическая цель. Я просил Леонида Исаева познакомить меня с Улей Федорцовой. В наше время отношения между учащимися разных полов были иные, чем теперь. Во-первых, все говорили друг другу “вы”, не помню ни одного случая, чтобы кто-то из гимназистов был с какою-либо гимназисткою на “ты”. Во-вторых, на улице ученик мог подойти к ученице, если он был формально представлен ей и считался знакомым. В-третьих, было бы просто уголовным происшествием, если бы ученик бил ученицу по голове книгою, кулаком в спину, хватал ее за косу, как это не раз приходилось видеть теперь на улицах Ленинграда. Нечего говорить, что ни один гимназист не позволил бы себе при ученицах произнести неприличное слово, что также приходится наблюдать на улицах в нынешнее время. Вообще, гимназисты и гимназистки, по крайней мере, в Нежине, поскольку они носили обязательную форму, держали себя в общественных местах с достоинством и серьезностью.

На пути из церкви Исаев подвел меня к Уле Федорцовой: “Позвольте представить вам моего товарища”.

Знакомство завершилось по окончании мною Института женитьбою. То было в 1899 году, а сейчас 1961 год. Крепкое было благословение Тараса, нашего загробного свата!

Вечером мы собрались у Гужовского.

Лашенко читал по рукописи запрещенные поэмы Шевченка “Сон” и “Кавказ”. Читал с дрожью в голосе и чуть не со слезами на глазах.

Гладкий выступил с предложением начать сбор денег на украинский университет во Львове, так как существующий там университет был польский,

и мы дали с братом из своих скудных средств по 50 копеек. Не знаю, дошла ли до Львова хотя одна копейка! Гладкий отчета не давал, и все забыли об этом.

Гужовский предлагал, как он говорил, “менять на деньги” украинские книги, выпущенные Черниговским Губернским Земством. Я променял у него деньги на байки Леонида Глібова, которые и сейчас, через 62 года, стоят у меня на полке. Это издание 1895 г. Я люблю книги-спутники жизни, которые живут со мною несколько десятков лет. В часы раздумий это лучшие собеседники.

Закончился вечер у Гужовского традиционными варениками.

Когда мы вышли от него, в Нежин вернулась зима: земля, крыши домов – все белело снегом, и он шел и шел крупными, мягкими хлопьями.

Это были поминки уходящей зимы по Тарасе.

Если во всем, что я написал Вам, дорогой Евгений Прохорович, Вы и глубокоуважаемая Зинаида Васильевна найдете хотя что-нибудь интересное для себя, я буду считать время, положенное на это длинное письмо, не напрасным.

А затем, желаю Вам и всей Вашей милой семье здоровья и благополучия!

С искренним уважением и доброжелательством к Вам

Владимир Данилов

*2-го декабря 1961 года
Ленинград*

¹ Рукою Є. Кирилюка зроблено напис: “Одержав і відповів 9.12.1961 р.”

² *Сперанський* Михайло Несторович (1863 – 1938) – російський літературознавець, славіст, етнограф, фольклорист, академік АН СРСР (із 1921). Професор Ніжинського історико-філологічного інституту (1896 – 1906), згодом Московського університету. Представник культурно-історичної школи. Дослідник історії російської літератури, російсько-українських літературних зв'язків.

³ На той час Інститут мав назву Інститут мистецтвознавства, фольклору та етнографії АН УРСР. Сучасна назва – Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського НАН України.

⁴ *Рудченко* Іван Якович (1845 – 1905) – український етнограф, фольклорист і письменник, брат Панаса Мирного. Тут згадано впорядковане ним видання “Чумацкія народнія песни” (1874).

⁵ *Дорошенко* Дмитро Іванович (1882 – 1951) – український історик, публіцист, громадський і державний діяч; емігрував 1919 р.

⁶ *Науменко* Володимир Павлович (1852 – 1919) – громадський і педагогічний діяч, літературознавець, етнограф, філолог. 1905 р. В. Науменко відкрив власну приватну гімназію, яка вважалася однією з найкращих у місті. У 1912 р. вона стала базовою при Товаристві сприяння середній освіті. Тут навчався М. Рильський, який високо оцінював діяльність її директора. Член Старої громади в Києві, редактор (із 1893 р.) “Киевской старины”. Розстріляний більшовиками.

⁷ *Левицький* Орест Іванович (1849 – 1922) – український історик і письменник, учень В. Антоновича, багаторічний учитель середньої школи в Києві. Член київської Громади. Співробітник “Киевской старины”, дійсний член ВУАН (1918 р.) і її другий президент (1919 – 1922).

⁸ *Трегубов* Єлисей Кипріянович (1849 – 1920) – громадсько-культурний і педагогічний діяч. Учитель Колегії П. Галагана в Києві, член київської Старої громади. З 1918 р. брав участь у роботі УАН.

⁹ *Різниченко* Володимир Васильович (1870 – 1932) – український геолог. Академік АН УРСР (із 1929 р.) і дійсний член НТШ (з 1929 р.). Відомий також як поет і карикатурист.

¹⁰ Воспоминания о Д. И. Эварницком 1905–1907 г. Див. також: *Воспоминания* зрителья. – Наукові архівні фонди рукописів і фонозаписів Інституту мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського НАН України, ф. 14–2, од. зб. 4.

¹¹ *Музиченко* Олександр Федорович (1875 – 1940) – педагог, методист. До 1917 р. викладач у Ніжинському історико-філологічному інституті. У 1920-х рр. – професор педагогіки в Київському інституті народної освіти й завідувач трудової школи в Києві. Автор праць із педагогіки й методики початкового навчання, шкільних підручників.

¹² *Державін* Микола Севастьянович (1877 – 1953) – історик, академік АН СРСР із 1931 р. Праці присвячені історії Болгарії й болгарській літературі. Автор статей про життя і творчість Т. Шевченка: “Тарас Григорович Шевченко” (1921), “Творчість Т. Г. Шевченка в його історичному та ідеологічному оточенні” (1932) та ін. Лауреат Сталінської премії (1948).

¹³ *Канівець* Петро (революційне ім'я Кавун) (помер 1919 р.) – діяч Револуційної української партії, потім “Спілки” (Української соціал-демократичної спілки) та Української соціал-демократичної робітничої партії.

Отримано 1 березня 2012 р.

м. Київ